

Мужчина в камуфляже небрежно сбросил тело молоденького паренька со спины на землю. С недовольной миной на лице несколько раз резко махнул руками в стороны, расслабляя мышцы и разгоняя кровь в затекших плечах.

— Ты поосторожней, Боаз, а то сдохнет раньше времени, — недовольно проворчал его спутник. — Пока живой, мясо не портится. А если сдохнет, придется выбросить уже через два дня. Получится, ты зря тащил его столько времени почти от самой границы. Может, вколоть ему еще пару кубиков чифисы на всякий случай? — Он бережно опустил на землю большой рюкзак со снаряжением и аккуратно прислонил к нему карабин.

— Брось, Гельмут. Еще чифису переводить на эту падаль. — Боаз недовольно дернул головой. — И не бойся, не очнется, я ему позвоночник перебил, так что сторожить его не надо. Нам очень повезло, что мы его нашли. Надеюсь, ты умеешь правильно разделывать мясо, чтобы не умер сразу? — Боаз подозрительно посмотрел на спутника. Тот в ответ небрежно махнул рукой.

— Не бойся, к тому моменту как он умрет, останется килограммов двадцать, не больше. Все будет в лучшем виде. А позвоночник ты ему зря перебил,

и так никуда бы не делся. А теперь его и дальше на себе тащить. Впрочем, это твои проблемы, тебе его нести... — Гельмут глумливо усмехнулся. — Резать начнем с рук.

— Гельмут. Разведи пока костер, здесь еще можно найти достаточно дров. Дальше такого изобилия уже не будет. Это одна из последних ночевок, когда можно нормально погреться и поспать в тепле.

Темнота. Боль. Море боли и ужас, ужас от того, что я не могу дышать. Я судорожно пытаюсь всплыть, но беспомощно барахтаюсь на одном месте. Это не вода, это нигде. А я никто. Делаю отчаянные усилия, и темнота становится немного светлее. Сил бороться почти не осталось. Хочется, чтобы это все поскорее закончилось, но агония все продолжается и продолжается. Вдох. Мне удалось вдохнуть, и темнота еще чуть-чуть отступила. Появились цветные пятна, которые постепенно сложились в женское лицо. Я не помню, как ее зовут, но я ее узнал. Мама. Она пытается что-то сказать, но слов не слышно. Ужас отступает, остается отчаяние и безнадежность. Женщина исчезает. Она хотела, чтобы я боролся до конца, и я продолжаю барахтаться, не понимая, куда и зачем. Темнота сменилась серой мутью, постепенно начинаю ощущать тело, ног почему-то не чувствую совсем. Дышать уже получается. Пытаюсь открыть глаза, но веки слиплись и не слушаются. Вместо зрения возникает ощущение окружающего объема, непривычное и незнакомое чувство. Чем настойчивей пытаюсь открыть глаза, тем отчетливей чувствую форму и объем окружающих предметов. Два человека. Чем-то заняты рядом. Надо дать

им знать, что я здесь, что я живой. Надо попросить о помощи.

Возвращается слух. Становится ясно, что эти двое вовсе не собираются мне помогать. Я не знаю, кто я, не знаю, кто они. Но зато теперь точно знаю, что это враги. Они считают меня мясом и своей добычей. Первого, который с низким голосом и габаритами медведя, зовут Боаз. Второй, худой и высокий, Гельмут. Долго спорят, кто из них должен идти за хворостом для костра. В конце концов, Боаз, ворча какие-то проклятия, уходит, я больше не ощущаю его в доступном мне объеме пространства.

Попытка пошевелить левой рукой отзывается резкой болью, рука сломана. Но я радуюсь этой боли, значит, тело все же будет слушаться. Правая рука в порядке, а вот с ногами беда — перебит позвоночник. Обнаруживаю, что могу видеть свои внутренние органы. Кроме позвоночника и левой руки серьезных повреждений нет. Меня явно напичкали какой-то дрянью, но умный организм как-то ухитряется ее перерабатывать. Правой рукой разлепляю склеенные веки.

Гельмут стоит неподвижно. Ждет, когда его товарищ скроется с глаз, нетерпеливо смотрит ему вслед. Я чувствую, как в нем клокочат эмоции и грязное предвкушение. Вот он приближается ко мне и становится на четвереньки. Дыхание возбужденное и вонючее. Ну же, ближе, ближе... И чуть правее, ну, пожалуйста, сместись чуть-чуть правее, что тебе стоит... Гельмут навис надо мной. Удобнее момента уже не будет. Жаль, конечно, что у меня только одна рука. Резко обнимаю его за шею. Вот он, нужный мне подбородок. Рывок, хруст шейных позвонков,

и на меня навалилось мертвое тело Гельмута. Левая рука взорвалась резкой болью, кажется, на несколько мгновений я потерял сознание. Даже не пытаюсь спихнуть с себя тело мерзавца. Ну что же, радость моя, иногда желания сбываются неожиданно... Ведь у тебя больше нет никаких желаний? Пожалуй, шею Боаза мне бы так легко не сломать, слишком крупный, зараза.

Шарю рукой по одежде Гельмута. Ремень спецназовца с большим количеством маленьких кармашков. Справа должен быть нож, но левой рукой мне его не взять. С трудом протискиваю правую руку под телом. Шершавая рукоять ножа удобно легла в ладонь. Вот так, Гельмут, спасибо тебе, дружище, а пока сделай вид, что ты спишь, у тебя хорошо получается. Подождем твоего друга, нам ведь обоим спешить больше некуда.

Ну, наконец-то. Я уже думал, что он заблудился. Боаз появился и с шумом бросил огромную вязанку хвороста. Вот он заметил, чем занят приятель. Чувствую его ярость и возмущение. Быстро подходит, наклоняется и грубо стаскивает с меня тело Гельмута за шиворот. А жизнь-то полна сюрпризов. Нож легко вошел Боазу меж ребер. Я определенно умею обращаться с ножом. Не все сюрпризы приятны, но зато от скольких остальных неприятных сюрпризов я тебя сегодня избавил, приятель, ты должен мне быть благодарен. Но разве от такого дождешься благодарности. Умер молча. Теперь можно спокойно ждать собственной смерти. Смерть — дело ответственное, и встречать ее лучше на сытый желудок. Наверняка у них в мешке есть какая-нибудь жратва. Нет. Не добраться мне до мешка. Быстро темнеет.

Холод пронизывает тело. Накатывает сонливость. Я знаю, что спать нельзя, но и смысла барахтаться дальше уже не вижу.

Кажется, идет снег. Холодно. Откуда-то всплывает знание, что когда человек замерзает, ему становится тепло. Когда же наконец придет это тепло?

— Разнежился на свежем воздухе, СкользЯЩИЙ? Долго ты еще собираешься тут валяться? — Хриплый голос доносится как бы издалека.

И чего ему от меня надо? Разве сразу не видно, что занят я, ведь не каждый же день концы отдаю. Нет, не дает покоя, он еще и пинается. С трудом открываю глаза. Если бы волосы не стояли дыбом от холода, то точно встали бы дыбом от страха.

— А к-коса т-твоя где? — с трудом выстукиваю зубами. Старик в странном белом рубище с ужасными бездонными глазами спокойно меня рассматривает.

— Может, костер все-таки разожжешь? Нехорошо старого человека на холоде держать. А коса мне ни к чему, я Белый Странник, а не крестьянин.

С трудом переворачиваюсь и встаю. А как же спина? И левая рука теперь в полном порядке. Оборачиваюсь. Никого. Куда делся Странник? Холод заставляет двигаться. Вопросы потом. Хворост, услужливо принесенный Боазом, на месте. И трупы на месте. Правда, уже совсем заоченели. Поспешно обшариваю карманы медвежьей туши Боаза. Нашел. Зажигалка. Огонь — это еще несколько часов жизни. А я, оказывается, хочу жить. Каждая лишняя минута жизни драгоценна, а каждая минута жизни в тепле драгоценна вдвойне. С трудом развожу небольшой

костер, замерзшие пальцы плохо слушаются. Хворост надо беречь, вряд ли мне теперь удастся уговорить Боаза принести новую порцию. Трофеи можно разобрать потом, когда станет светло, а вот теплые вещи нужны сейчас. Первое, что попало под руку, это синтетический спальник. Отличная вещь! Материя совершенно не пропускает воду снаружи, но не допускает лишней влажности внутри. Тепло держит лучше, чем термос, а весит не больше, чем полбуханки хлеба. И неровности почвы сглаживает так, что можно спать даже на камнях. Где же они раздобыли такое чудо? На элитный спецназ не похожи. Типичные уголовники. Я бросил вопросительный взгляд на тело Гельмута, но тот промолчал. Впрочем, я бы на его месте тоже обиделся.

Проблема с теплом пока решена. Чтобы лучше его использовать, я набил трофейный алюминиевый котелок снегом и приспособил на огне. Теперь надо что-нибудь съесть. Пара найденных сухарей вполне подойдет. И спать. Все-таки хорошо засыпать, зная, что завтра проснешься.

Утро наступило туманное. Выпавший ночью снег начал быстро таять. Солнце лишь угадывалось по светлomu размытому пятну на востоке. Капли тумана прямо-таки висят в воздухе. Хворост кончился, костер прогорел, вылезать из мешка на холод не хочется. Что важнее, кто я или где я? Наверное, все-таки, где я — важнее. Кто бы я ни был, но жить-то мне хочется, значит, первостепенный вопрос все же — где я? Еще вчера у меня была сломана спина, и я готовился к смерти. Смерть откладывается, и это создает кучу неприятных проблем, которые нужно срочно как-то

решать. И первое, что придется сделать, это вылезти из теплого и уютного спального мешка.

Разбор трофеев надо начинать с самого сложного. Что может быть сложнее, чем раздеть замороженные трупы? Ножичек, который я воткнул Боазу в грудь, мешает снять куртку. Хороший ножичек, легко проткнул под курткой защитный бронежилет штурмовой пехоты. Что-то я не припомню за собой раньше подобных подвигов, это, в общем-то, и не удивительно, ведь даже имени своего не знаю. Но вот что такой бронежилет нельзя пробить ножом, знаю точно. Бронежилет жалко. И какого рожна этот боров его на себя надел, здесь что — война? Надо хорошо подумать, что с собой взять, ведь неизвестно, сколько времени идти придется.

Карабин «хариган», восемнадцать патронов в магазине, скорострельный. Зачем к нему приделали оптический прицел, совершенно непонятно — кучность стрельбы у него плохая. Обе вещи по отдельности полезные, но в связке... Я с сомнением покрутил в руках эту странную конструкцию, привычным движением передернул затвор и поставил карабин на предохранитель. Вещь, безусловно, полезная в определенных ситуациях. Оружие и продукты — пожалуй, возьму все, что есть. Пистолет армейского образца, переделанный под глушитель, два боевых ножа спецназа и пара метательных ножей. Отличная сталь. Я поигрался с метательными ножами, проверяя их баланс. Тело определенно помнило, как с ними обращаться.

Бритвенный набор, думаю, не нужен, совсем собрался уже отбросить его в сторону, но в последний момент удержался. Зеркало. Посмотрю на свою

рожу, может, хоть имя вспомню. Лицо определено мое. Красивое лицо. Темно-серые большие глаза, нос тонкий и прямой, губы чувственные. Волосы русые, чуть волнистые, длинные, челка налезает на брови, надо будет ее потом подрезать. Неудобно. На войне такие мелочи могут стоять жизни. Имя никак не всплывает в памяти. Новое, что ли, придумать? Я закатил глаза. Тивуртий... Максимиллиан... Филикиссим... Уалириан... Транквиллин... Нет. Это красиво, конечно, но надо что-то попроще. Марк... Ник... Рикс... Рем... Хм, пусть будет Рем. Немного по-собачьи, но что-то теплое в звучании есть...

Ботинки у Гельмута явно лучше, чем мои. И по размеру подходят. Беру. Снаряга спецназовская. Беру. Ящичек с гранатами. Осколочные, их можно только из укрытия бросать, разлет осколков у таких двести метров. Противотанковые гранаты. Я с уважением посмотрел на раздетые трупы. Сильны ребята! Это же надо столько времени тащить всю эту тяжесть. Гранаты я у вас забирать не буду, а то некрасиво получится, вы трудились, мучились, а я просто хапнул. Ну, разве что только парочку. Нет, четыре возьму, лишние всегда можно выкинуть. А вот патроны лишними точно не будут. Крупа, сухари, сушеное мясо, прессованные пищевые брикеты, две фляжки со спиртом. Шприцы. Лекарства. Лекарства все знаю, даже знаю название каждого на латыни, хотя здесь надписи только на всеобщем — имперском. Может, я терапевт? Нет, скорее все-таки хирург, я бросил косой взгляд на мертвые тела. Заново плотно упаковываю рюкзак. Хороший, кстати, рюкзачок, если его полностью расшнуровать, в него двое таких, как я, поместятся.

Тут бумажка какая-то в карманчике, похоже на план местности. Значки непонятные. Пунктирная линия явно означает маршрут, заканчивается флажком и коряво написанным словом «ОАЗИС». Мне в оазис не надо. Мне, пожалуй, лучше назад, домой. От слова «домой» заныло сердце.

Я закрыл глаза и вспомнил лицо, то самое, что видел в нигде. Мама. Там был еще какой-то непонятный шум. Сейчас я узнал в нем шум морского прибоя! Перед глазами встала бескрайняя гладь моря, яркое солнце, песок. Небольшие волны с шумом накатываются на берег. Стройная девушка в купальнике бежит по колено в воде и смеется. Ее лицо похоже на то, что я сейчас видел в зеркале, только более утонченное. Густые длинные волосы ниже пояса развеваются на морском ветру. Такие же большие серые глаза, только не усталые и грустные, как в зеркале, а искрящиеся и веселые. Глория. Ее зовут Глория! Это моя младшая сестренка, она младше меня всего на год. Я знаю, что люблю ее безмерно, и сестра отвечает мне еще большей любовью. Нас трое самых близких людей на свете: я, моя мама и сестренка.

Открываю глаза, всё та же унылая хмарь и туман. Туман, кстати, стал еще гуще и ведет себя странно. Мне кажется, он уплотнился вокруг трупов. Тел стало почти не видно. Да он жрёт их! Меня мгновенно охватила паника, волосы зашевелились на голове, а тело покрылось холодной испариной. Голос в ушах.

— Не дергайся, С-с-скольз-з-зящий, тебя я пока не трону. Но ты очень вкус-с-сный. — В голосе слышались нотки сожаления и насмешки. — Тебе

лучше поспешить. Я не один тут голодный. Собери быстрее свои вещи. Здесь ты не выживешь. Для тебя безопасней двигаться на восток, там есть живой лес. Только так ты сможешь добраться до оазиса. Оазис — твой единственный шанс вернуться домой. По тому маршруту, который нарисован у тебя на бумажке, пройти нельзя. В следующий раз я тебя обязательно съем, а пока мне хватит этих двоих... — Смеется.

Всё! Это предельный для меня вес, с которым я смогу двигаться. Привалы придется устраивать чаще. Послушаться тумана или двигаться дальше по намеченному маршруту? Я легко сориентировался по карте-плану и рельефу местности. Определенно я раньше занимался туризмом или чем-то подобным. Может, туман на ужин меня приберег и указал направление, по которому сможет легко догнать пищу в любой момент, а может, в нем разыгралось человеколюбие — настоящее, не гастрономическое. Задача, однако. Лес на плане действительно обозначен. А вот масштаба нет, и расстояние до леса нельзя определить даже приблизительно, но до него явно много ближе, чем до флажка под названием «Оазис». Можно еще двигаться по пунктиру в обратном направлении. Только неясно, откуда эти парни притопали, может, их вообще сюда на вертолете привезли. И как я сам сюда попал — непонятно.

Туман остался позади — в небольшой низинке. Я поднялся на ближайший холм, чтобы осмотреться. Всюду, куда хватает глаз, простирается бесплодная каменистая пустыня с редкими засохшими чахлыми деревцами. Картина действует угнетающе, на

душе от нее становится муторно. А еще здесь холодно. Ненавижу холод, ненавижу зиму и все, что с ней связано: лед, снег, темноту, голые деревья. Когда не знаешь, куда идти, нужно помолиться, а потом прислушаться к интуиции. Интуиция решила, что нужно довериться говорящему туману и двигаться к лесу.

Пока шел, заметил еще несколько низинок, в которых клубится едва заметное белое марево. Вблизи оно совершенно незаметно, зато, если смотреть издали с какого-нибудь холма, то марево становится видимым. Низина защищает от ветра, поэтому остановиться на ночлег в таком месте кажется естественным и удобным, но знакомиться с новым туманом мне как-то не хочется, покормить его уже будет нечем, только самим собой. Сегодня придется выбирать место для ночлега на холме, терпеть холод и ветер. Зато безопасно. Туман явно не любит ветра. На ветру карабин студит руки, холод пробирает даже через перчатки. Вроде и температура не слишком низкая, снег почти растаял, но из-за ветра, высокой влажности и отсутствия солнца я мерзну. От холода спасает только движение. По внутреннему ощущению я прошел уже километров сорок. Если судить по плану, то где-то на середине пути к лесу я должен увидеть высокую скалу. Если на плане правильно указана ее высота, то такая скала должна быть видна за несколько километров, но пока ничего не видно. Периодически тренирую свое новое объемное чувство, мне почему-то кажется, что раньше я ничем подобным не обладал. Закрываю глаза и начинаю рассматривать окружающие